

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК IV

Под редакцией

академика В. В. Струве и А. В. Королева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

М. А. Салахетдинова

ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ ПЕРСИДСКОМ СОЧИНЕНИИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Значение арабских и персидских источников для изучения ранних периодов истории народов Восточной Европы (X—XV вв.) уже давно высоко оценено наукой. Персоязычные же памятники, касающиеся истории народов Восточной Европы более позднего периода (XVI—XVIII вв.), до сих пор в литературе не упоминались.

В этой связи большой интерес представляет персидское анонимное сочинение под названием «Хикайат», хранящееся в рукописных фондах Института народов Азии. По содержанию его можно разделить на две части: первая часть относится к истории Казанского ханства, вторая — к истории башкир за период от второй половины XVI по первую половину XVIII в., где особую ценность для историка представляют сведения о политических событиях, происходивших на территории Башкирии в 30—40-х годах XVIII в.

Об авторе этого сочинения мы не располагаем никакими определенными сведениями. Исходя из содержания сочинения, можно сказать, что автор его жил в Поволжье во второй половине XVIII в.

В первой части своего произведения автор сообщает, что приводимые им сведения взяты из исторических сочинений, но не указывает из каких; при изложении событий в Башкирии он говорит, что передает их со слов «глубоких стариков», имен которых он не приводит, за исключением одного случая.

Автор не владел русским языком, следовательно, не мог непосредственно пользоваться источниками, изложенными по-русски.

Сочинение написано не ранее последней четверти XVIII в., поскольку в нем есть упоминание о восстании Пугачева, но и не позже конца XVIII в., так как были еще живы участники восстания башкир 1735—1741 гг., со слов которых записана часть рассказов.

В нашем списке сочинение не имеет конца; судя по палеографическим данным, оно переписано в Поволжье на европейской бумаге с водяным знаком, содержащим дату 1820 г. Оно занимает конец сборной рукописи В 4070 (лл. 376—456), в начале которой (лл. 16—37а) помещено сочинение на турецком языке «Усूल ал-хикам фй ниям ал-умам» Ибрагима Эфенди¹ (рукопись из коллекции Алимова, Астрахань, 1938, № XII, 10, размер 22×17).

¹ Об этом сочинении см.: Ch. Rieu, *Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum*, London, 1888, p. 2386.

Интересующее нас сочинение начинается с легенды о том, как Тимур подступил к городу Владимиру с намерением завоевать его и как он вынужден был отказаться от этого, якобы услышав «божье повеление»². Есть упоминание, также легендарного характера, о завоевании Тимуром Булгар³. Далее кратко сообщается о причине постройки города Казани, перечисляются ханы, правившие Казанским ханством, приводятся некоторые сведения о хане Шигали, о завоевании Казани Иваном Грозным, о переселении татар в различные места после падения Казанского ханства.

Рассказы о перечисленных событиях (за исключением первого легендарного рассказа) опубликованы в «Истории Татарии в документах и материалах»⁴ и представляют собой перевод из одной татарской рукописи. В «Истории Татарии...» не указаны ни автор, ни название этой рукописи, о ней лишь сказано, что она переписана в 1864 г. Нурмухаммедом сыном Азмедзяна и включена в сборник⁵, который также не охарактеризован.

Сопоставление этого перевода с начальной частью нашего «Хикайат» обнаруживает такое близкое сходство между ними, которое позволяет утверждать, что татарский текст, с которого сделан перевод, и наш персидский восходят к одному и тому же сочинению; что один из них является переводом по отношению к другому, однако трудно установить, какой из них является оригиналом, какой переводом. Татарская рукопись, возможно, помогла бы решить этот вопрос, однако мне пока не удалось выяснить, где она находится в настоящее время (в свое время она хранилась в Татарском институте марксизма-ленинизма)⁶. Без татарской рукописи невозможно определить, какие из имеющихся расхождений между переводом из нее и соответствующим отрывком из нашего персидского сочинения являются собственностью татарской рукописи, какие появились в результате перевода ее на русский язык.

Следует все же отметить, что персидская рукопись содержит больше сведений, чем перевод татарской рукописи, кроме того, она вносит некоторые поправки в этот перевод. Например, дата 961 г. х. (1553-54 н. э.), приведенная в персидской рукописи, относящаяся к завоеванию Казанского ханства русским государством, ближе к истине, чем 966 г. х. (1558-59 н. э.), указанная в переводе татарской рукописи. Несомненно являются правильными отмеченные в персидской рукописи названия Сары-тау (Саратов) и Кыз-Тауы (название горы недалеко от Свияжска), а не Сары-Танг и Тавай, указанные в переводе татарской рукописи⁷.

Данные по истории татар, имеющиеся в «Хикайате», не являются оригинальными по содержанию, однако они интересны тем, что зафиксированы в персоязычном сочинении; кроме того, они важны для изучения самого сочинения. Известный татарский историк XX в. Хади Атласов в своем произведении «Казан ханлыгы»⁸ («Казанское хан-

² Эта легенда приведена также в сочинении на татарском языке: *تواريخ بلغاریه* انتخاب من تواریخ المتعدده و من الرساله المتعدده. Казань, 1883, стр. 32.

³ Легенда о том, что якобы Тимур завоевал Булгар, широко распространена в Поволжье.

⁴ «История Татарии в документах и материалах», М., 1937, стр. 122—124.

⁵ Там же, стр. 122, 133.

⁶ Там же, стр. 124.

⁷ Там же, стр. 123.

⁸ Хади Атласов, *Казан ханлыгы*, Казань, 1914.

ство») использовал принадлежащую ему персидскую рукопись «Джаза-и джанг» («Возмездие за войну»), на что обратил внимание В. В. Бартольд в своей краткой рецензии на эту книгу Атласова⁹.

К сожалению, Атласов не охарактеризовал ни рукопись, ни само сочинение, о котором вскользь заметил, что оно, по-видимому, написано примерно 100 лет тому назад¹⁰; высоко оценивая сведения, изложенные в «Джаза-и джанг» об основании города Казани и о казанских ханах, он опубликовал большой отрывок из этого источника (почти всю вторую страницу)¹¹. Сличение этого отрывка с соответствующим отрывком из нашей рукописи (л. 376) показывает почти идентичность их. Незначительные расхождения, касающиеся употребления нескольких слов, следует отнести за счет переписчика.

Это обстоятельство дает основание полагать, что «Джаза-и джанг» и «Хикайат» — одно и то же сочинение, представленное двумя списками. В пользу такого предположения говорит еще одно обстоятельство.

Анонимный автор сочинения «Хикайат» рассматривает бедственное положение башкир, в котором они оказались после подавления восстания 1735—1741 гг., как божье наказание их за неповиновение божественному предопределению, за выступление их против русского государства¹². С этой точки зрения название «Джаза-и джанг» вполне подходит к сочинению, именованному в нашем списке «Хикайат», что, по-видимому, сначала относилось лишь к первому легендарному рассказу из нашего сочинения, затем было перенесено на все произведение. В остальной части «Хикайат» освещаются следующие основные события: добровольное выражение покорности башкир русскому государству, постройка города Уфы, восстание башкир под руководством Акая сына Кучмамета и подавление восстания русскими войсками.

Эти вопросы также освещены в татарской рукописи, перевод и страница текста которой опубликованы в «Истории Татарии...»¹³. Здесь рукопись высоко оценена как единственный источник, отражающий движение башкир 1735—1741 гг. со слов его участников. К сожалению, в «Истории Татарии...» и эта рукопись не получила полной и четкой характеристики, а из того, что сообщается о рукописи¹⁴, неясно, написано ли или переписано сочинение в 1864 или 1869 г.; является ли Нурмухаммед сын Мухаммеджана автором или переписчиком рукописи; ничего не сказано ни о названии, ни об авторе сочинения, ни о сборнике, в состав которого оно входит. Это тем более досадно, что нам неизвестна судьба этой рукописи, хранившейся при издании перевода из нее в Татарском институте марксизма-ленинизма.

Надо полагать, что как отрывок из татарской рукописи, посвященный истории Казанского ханства, так и отрывок, относящийся к истории башкир, переписаны в 1864 г. одним и тем же лицом — Нурмухаммедом, имя отца которого в первом случае, вероятно, ошибочно написано каким-либо переписчиком или прочитано переводчиком «Азмедзян» вместо Ахмеджан или Мухаммеджан, по-видимому, оба эти отрывка не озаглавлены как части одного сочинения (которое

⁹ См.: «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», Пг., т. XXIII, 1916, стр. 421.

¹⁰ Хади Атласов, *Казан ханлыгы*, стр. 21.

¹¹ Там же, стр. 22.

¹² Рукопись В 4070, лл. 426, 456.

¹³ «История Татарии в документах и материалах», стр. 402—406, где перевод начинается с рассказа о постройке г. Уфы.

¹⁴ Там же, стр. 363, 406.

при включении в сборник могло лишиться собственного названия). Этим в какой-то мере можно объяснить то, что составители упомянутой «Истории Татарии» в раздел «Казанское ханство» включили ту часть перевода татарской рукописи, которая относится к присоединению башкир к русскому государству¹⁵.

Сопоставление русского перевода татарской рукописи с нашей персидской вероятно могло бы оказать какую-нибудь помощь для выяснения этого вопроса. Однако нам неизвестны принципы, которыми руководствовался переводчик татарской рукописи. В «Истории Татарии» о переводе лишь замечено, что при его издании было стремление сохранить «своеобразный колорит языка рукописи»¹⁶. Мы можем составить себе некоторое представление об этом переводе, сличив изданный отрывок из татарской рукописи с его переводом.

Сравнение показывает, что перевод отражает содержание татарского текста лишь в общей форме, а не является адекватной передачей его, поскольку некоторые фразы и слова оригинала не переведены вовсе, часть же из них переведена неверно или неточно.

Так, например, оставлены без перевода следующие предложения¹⁷: *برداکی مر تورلی حشارتلارنی ییدیلار*

(Ели всякого рода гадов, [имеющихся] на земле); *اون ایوکا بر صغر برآط*
طابهدیلار اوشانداق طارلق و آغریقلار اولدی ایتماسلیکا لایق

(Не находили одной коровы и одной лошади для десяти домов, появились такие трудности и тяжелые обстоятельства, что лучше не говорить [об этом]).

Кроме этих случаев, в татарском тексте имеется еще восемь фраз, из которых три оставлены без перевода, остальные переведены не полностью, не считая нескольких слов, переведенных неточно или неверно (и все это на одной странице опубликованного текста рукописи).

Итак, наличие несоответствий между сопоставляемыми персидским и татарским текстами, с одной стороны, между татарскими текстом и его переводом, с другой, не дает основания привлечь русский перевод для сравнения с персидской рукописью с целью получить какие-либо данные о том, на каком языке первоначально был составлен рассматриваемый нами «Хикайат» — на персидском или на татарском.

Однако сопоставление второй части «Хикайат» с русским переводом татарской рукописи следует провести не только и не столько для текстологических исследований персидского памятника, сколько для того, чтобы узнать, что он дает нового как исторический источник по сравнению с переводом из татарской рукописи. Делая такое сравнение, мы видим, что персидский текст содержит важные для историка сведения, которых нет в переводе из татарской рукописи. К ним относятся:

1) указание на размер ясака, который первоначально платили бобыли¹⁸ после выражения покорности башкир русскому государству:

¹⁵ Там же, стр. 123, 124.

¹⁶ Там же, стр. 363.

¹⁷ В наших примерах слова даются в том написании, в каком они приведены в изданном отрывке рукописи.

¹⁸ Бобылями называли особую социальную группу, состоявшую главным образом из пришлых в Башкирию народностей (татар, чувашей, мари, удмуртов), а также из бедных, разорившихся башкир, которые жили на башкирских землях и платили башкирским земельным собственникам оброк или выполняли для них различные виды работ, или за них исполняли некоторые повинности перед государством (см.: «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, М.—Л., 1936, стр. 16).

¹⁹ بويلان همين تور جهل تين هرماهي دادند¹⁹ (Таким образом, бобыли каждый месяц давали 40 [шкурок] белки).

Если считать, что каждый дом платил в виде ясака по одной шкурке белки в год²⁰, то, согласно данным нашей рукописи, число бобылей, добровольно выразивших покорность русскому государству, составит 480 дворов (40×12)²¹;

2) сведения о потомках одного из руководителей и участников восстания башкир 1703—1711 гг. Кучмамета ибн Улакая (о его втором сыне и внуках). В частности, любопытно следующее сообщение о втором сыне Кучмамета, Атка (или Итка);

و ولي ظالم بود بناو آنکه راهر ياندکي بويلانرا ره زدندی و مال و منال ايشان جبراً ستادندی لهذا بعد از مردن پدر زيستن در آنجا ترسيد بايديل سفيد برفت

(Он был правителем-тираном; поскольку [в дни его правления] грабили прохожих бобылей и насильно отнимали у них имущество и скот, то после смерти отца он побоялся жить там²² и переселился к реке Белой).

Слабое участие бобылей в восстании башкир 1735—1741 гг.²³ может быть объяснено именно тем, что они терпели произвол своих правителей, вместе с которыми не желали участвовать в восстании;

3) название живущих на побережье Демы племен (чуби, баганиш, уршак), к которым пришли на совещание башкиры других племен после пленения русскими войсками одного из руководителей восстания Акая;

4) более полный перечень племен, собравшихся на совещание (кроме названных в переводе из татарской рукописи, в нашей рукописи упомянуты племена: минг, бурай, канглы, джанай, булар, четыре группы из чурми), а также лиц, участвовавших в совещании (кроме тех, которые приведены в переводе из татарской рукописи, в персидском сочинении указаны Умар-хахен от байлар, Джаркай и Аткал от кирилан, от тамьянцев Китсен-тура);

5) названием места اجلي کول, куда пришли русские войска для подавления восстания башкир;

6) повествование (которое ведется в 1-м лице) о бегстве одного из известных участников восстания Курманула ибн Акманая из тамьянцев, после того как повстанцы потерпели сильное поражение от русских войск;

¹⁹ В тексте над строкой между словами *هر تين* стоит почему-то предлог *از*.

²⁰ О незначительном размере ясака для бобылей свидетельствует грамота от 1 января 1678 г. из Приказа Казанского Дворца Уфимскому воеводе, в которой сказано, что бобыли должны были платить государству «денег по 20 шти алтын, по 4 деньги на год, да по кунце на человека» («Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, стр. 16—17); а это произошло после того, как в 1674 г. вследствие тяжелого экономического положения России после длительных войн с Польшей, Швецией, Турцией. Крымом бобыли были обложены «новонакладными денежными и куничными ясаками» (материалы А. П. Чулошникова, хранящиеся в Архиве Ленинградского отделения Института истории, ф. № 262, опись № 1, папка II, стр. 71); до этого размер ясака для бобылей мог быть еще меньше.

²¹ Согласно данным А. П. Чулошникова, при переписи 1629 г. ясаком было обложено в Башкирии всего лишь 888 дворов (Архив Ленинградского отделения Института истории, ф. № 262, опись № 1, папка II, стр. 60).

²² Речь идет о местожительстве Кучмамета, которое, согласно нашей рукописи (л. 40а), находилось в 25 милях от города Мензелинска, по данным татарской рукописи (см. «История Татарии в документах и материалах», стр. 402) — в 50—60 верстах от Мензелинска.

²³ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, стр. 53.

7) рассказ о возвращении на родину некоторых участников восстания, в частности Урманая;

8) подробное описание положения тех повстанцев, которые не решились вернуться на родину.

Кроме перечисленных случаев, которые отсутствуют в русском переводе из татарской рукописи, в нашем «Хикайат» имеются такие отрывки, которые сильно отличаются от соответствующих отрывков в русском переводе.

Так, например, в персидском тексте:

درآن روز صعب کسی تورا برادر کوچکہ ترخان و حربکنند کانی چند از طمیانان
بجماعت خویش دست ندادند سرکرندہ بجا نبی رفتند کوران از پس او نرفتند²⁴

(В этот трудный день брат Кукча тархана Китсен-тура и много других воинов из тамьянцев не оказали помощи своему народу, убегая, они пошли в другую сторону, неверные не преследовали их).

В русском переводе: «В этот день родственник Кукча-тархана Китсен-тура с многими товарищами из Тамьяна участвовал в бою. И они не были захвачены врагами — ушли в другую сторону. Русские их преследовали»²⁵. Ясно, что эти отрывки совершенно противоположны по смыслу.

Говоря о былом могуществе тамьянцев, потерпевших от русских сильное поражение, что очень ясно видно из контекста, наш анонимный автор пишет:

کجاها طمیانان نزدیک منزله زیستند در جنگ آغاز کنندگان واورماتی روندگان
شان بودند²⁶

(«Когда тамьянцы жили близ Мензелинска, во время войны они были первыми зачинщиками, выступали и шли на битву»).

В русском переводе: «Тамьянцы, живя ближе к Мензелинску, начали войну»²⁷, т. е. будто речь идет не о прошлом, а о настоящем времени, что никак нельзя представить себе при бедственном положении тамьянцев, как всех башкир, после подавления их восстания русскими войсками.

بعد ازین هر کسی که باشقورط نام دارد صحراوی بوده است نخزینہ کاور اسبی
نیادند و قباله گرفتند ایشانرا کاور نام نهاد بزبان خویش وور باشقرو و نطوقشک
و از میتک گفت نمانم چه معنی دارد²⁸

(После этого всякий, кто назывался башкиром [и] был степняком, сдавал в казну неверных одну лошадь и получал [об этом] документ. Неверные называли их на своем языке «вор башкир, бунтовщик и изменник». Не знаю, что это значит). В переводе же из татарской рукописи сказано: «Каждый степной башкирин, сдав одну лошадь, получал бумагу, в которой его называли неизвестно почему, «изменник-бунтовщик»²⁹.

Следует отметить, что в переводе из татарской рукописи указано место (деревня Ураза на реке Ирне)³⁰, где Акай напал на чувашей и где он был окружен и схвачен русскими войсками. Это единственный случай, который отсутствует в нашем персидском сочинении.

²⁴ Рукопись В 4070, л. 43а.

²⁵ «История Татарии в документах и материалах», стр. 404.

²⁶ Рукопись В 4070, л. 426.

²⁷ «История Татарии в документах и материалах», стр. 404.

²⁸ Рукопись В 4070, л. 45а.

²⁹ «История Татарии в документах и материалах», стр. 405.

³⁰ Там же, стр. 402.

Интересно отметить основные особенности языка нашей персидской рукописи:

1. В первую очередь обращает на себя внимание простота изложения. Здесь нет вычурных, цветистых выражений, столь свойственных большинству персидских сочинений. Поражает своей простотой даже послание, которое отправили восставшие башкиры разных племен генерал-лейтенанту А. И. Румянцеву (специально посланному царским правительством для подавления их восстания):

بنام خدای بی همتا از مجمع مسلمانان بتو که کاور اورمانصا و تزا راه نمی دهم
اول آنکه آقای ابن کوچممترا بما دهی و ثانیاً بسلامت بمترله باز آی از خندق بیرون
نیای والا باستعانت خدای تعالی بتو حرب میکنم و السلام علی من اتبع الهدی³¹

(Во имя бесподобного бога! От собрания мусульман тебе, неверный Румянцев. Не дадим тебе дорогу. Во-первых, выдай нам Акая сына Кучмамета, во-вторых, вернись подобра-поздорову в Мензелинск и не переходи за черту, в противном случае, прося помощи у великого бога, будем с тобой сражаться. Мир тому, кто идет путем правым!).

2. Наличие элементов разговорного языка, что обнаруживается как в области грамматики (ситанксиса и морфологии), так в лексике и написании отдельных слов.

К ним относятся часто встречающаяся инверсия членов предложения (например, предшествования прямого дополнения подлежащему), употребление наречия *کجاها* в качестве союзного слова в значении „там“, „где“, „когда“, употребление в перфекте глагола 3-го лица ед. ч. прошедшего времени вместо причастия прошедшего времени (*کرد است* вместо *کرده است*), употребление прилагательных с суффиксом *агй* (*راه روندگی*), написание в некоторых случаях *اونها* вместо *آنها*, передача имен собственных в форме, близкой к произношению: *شیغالی*, *اورازمت*, *کوجممت*,³²

3. Наличие тюркских слов, употребляемых и в татарском языке: *قاپورغا*, «белка», *تين*, «битва», «сеча», *اورماق*, «хромой», *آقصاباق* «ребро», *کاور*, «олово», *قوراشون*, «неверный», слова *خدمت* и *بچه* всюду встречаются в форме *خدمت* и *بچه*, т. е. как они писались и произносились в татарском языке, слово *طور* написано везде в виде *تور*, как обычно писалось в татарском языке. Несомненно, большинство из приведенных случаев было свойственно языку нашего персидского памятника, и лишь некоторые из них могли быть внесены в наш список переписчиком.

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных (персидского сочинения «Хикайат», небольшого отрывка из персидской рукописи «Джаза-и джанг», опубликованного Атласовым, напечатанных в «Истории Татарии...» двух переводов и одной страницы текста из татарской рукописи) и всего сказанного о них можно сделать следующие выводы: 1. Представленное нашим списком персидское сочинение «Хикайат», которое могло бы быть названо и «Джаза-и джанг», по времени написания относится к концу XVIII в. 2. Мы не располагаем пока достаточными данными, чтобы сказать с уверенностью, на каком языке было первоначально составлено это произведение, на персидском или на татарском. 3. Но независимо от этого оно представляет большой интерес как памятник персидской литературы, написанный в Поволжье, со свойственными ему специфическими особен-

³¹ Рукопись В 4070, лл. 406—41а.

³² Там же, лл. 39а, 39б.

ностями. 4. «Хикайат» как исторический источник важен тем, что он дополняет и исправляет данные, которые имеются в переводах из татарской рукописи, опубликованных в «Истории Татарии...», кроме того, содержит ряд сведений по истории башкир, которых нет в известных нам источниках.

Учитывая в особенности последнее обстоятельство, мы подготовили к изданию русский перевод этого памятника, с тем чтобы сделать его доступным для широкого круга исследователей.